

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

МУТНЫЕ РЕКИ ФЛОРЕНЦИИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Мутные реки Флоренции / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Записки придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-248551-0

1905 год. Николай Второй планирует усовершенствовать потрепанный в Русско-японской войне российский флот. Живущий в Италии инженер Прохор Смолянинов создает конструкции кораблей новейшего типа. Он передает секретные чертежи князю Андрею Семеновичу Бабичеву, с тем чтобы тот переправил их в Россию. Вскоре на берегу реки полицейские находят труп Бабичева, а некоторое время спустя кто-то сбрасывает с поезда и самого Прохора Смолянинова. Для расследования убийств российских подданных в Италию отправляется следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов. Но, как только сыщик приближается к разгадке этих происшествий, он сам становится мишенью злоумышленников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248551-0

© Сухов Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть I

ГОСУДАРЕВО ДЕЛО

• 1 •

3 ИЮЛЯ 1905 ГОДА

ВИНОВНОГО ОТЫСКАТЬ В КРАТЧАЙШИЕ СРОКИ

Совещание в Высочайшем присутствии решили провести в здании Главного морского штаба. Помимо самого императора, в кабинете находились начальник штаба адмирал Виктор Александрович Конецпольский и заведующий делами морских агентов при Главном морском штабе капитан первого ранга Петр Петрович Реутов.

Император Николай II был одет в простой офицерский френч без лишней парадности. С тех пор как в январе вспыхнули беспорядки, не проявлявшие никаких признаков затихания, государь почти перестал появляться в церемониальных мундирах, считая показную торжественность в нынешних обстоятельствах неуместной и даже тягостной. Из наград на груди выделялся лишь скромный знак ордена Святого Владимира — единственное украшение, которое он позволял себе носить в столь тревожные месяцы.

Сквозь легкие кремовые портьеры в кабинет мягко струился солнечный свет. Он ложился на массивный стол густыми золотистыми полосами, вспыхивал в темном лаке полированного дерева, скользил по бронзовым приборам и мерцал на старинных глобусах, стоявших в углах кабинета. Казалось, сами эти глобусы

хранили память о бескрайних морях, дальних походах и эскадрах Российской империи, раскинувшейся от суровой Балтики до далекого Тихого океана. Все в кабинете говорило о власти, принимавшей решения, от которых зависела судьба державы.

Подойдя к массивному столу из темного полированного дуба, император на мгновение остановился. Его взгляд усталых глаз медленно скользнул по разложенным морским картам, по чертежам новых крейсеров, испещренным разноцветными пометками инженеров, по аккуратно подписанным донесениям, лежавшим ровными стопками. В воздухе стоял едва уловимый запах табака, плавленого сургуча, свежей типографской краски и нагретого солнцем дерева.

Адмирал Виктор Александрович Концепольский сидел за столом, спиной к высокому окну. Перед ним лежал первый том недавно завершенного труда — обстоятельного и беспощадного разбора причин поражения в Цусимском сражении. Итоги кампании были сведены в несколько объемистых томов, и теперь адмирал намеревался представить их государю.

Выводы комиссии оказались тяжелыми и безрадостными. Ошибок насчитывалось слишком много. От грубых тактических просчетов: слабого управления эскадрой, плохой маневренной подготовки и несогласованности действий командования, до очевидного отставания от японского флота в плане технического оснащения. Дальнобойные японские орудия били чаще, точнее и увереннее, тогда как русские корабли нередко уступали противнику и в скорострельности, и в точности стрельбы, и в живучести механизмов под огнем. Многие корабли, проехавшие половину мира с усталым и измотанным бессонными вахтами и жарой экипажем, с машинами, требующими капитального ремонта, и засоренными котлами, тотчас вступали

в жестокий бой. Что не могло привести к положительному результату.

Не менее тревожным выглядел и другой вывод. Морская разведка действовала неудовлетворительно. Сведения о силах, передвижениях и намерениях японцев поступали с опозданием либо оказывались отрывочными и недостоверными. Флот, уходивший к Цусиме, фактически двигался навстречу противнику почти вслепую, не располагая ни точными данными о составе неприятельской эскадры, ни ясным представлением о ее тактике.

Именно это обстоятельство адмирал Конецпольский считал едва ли не самым опасным симптомом — признаком системного кризиса, поразившего не только флот, но и весь государственный механизм империи.

Адмирал держал ладонь на обложке первого тома так, словно не желал выпускать его из рук. Пальцы его слегка побелели от напряжения. На столе перед ним стояла тяжелая бронзовая чернильница с металлической перьевой ручкой; рядом лежали компас, навигационные линейки и небольшой карманный телескоп в потертом кожаном футляре — вещи, привычные человеку, проводшему значительную часть жизни среди карт и предметов, с помощью которых прокладывают курсы в дальних переходах.

Все пространство стола было занято картами районов боев. Листы густо покрывали пометки, карандашные стрелки, расчеты дистанций, краткие замечания и названия погибших кораблей. Тут и там встречались обведенные кружком даты, подчеркнутые фамилии командиров, отметки времени открытия огня. Некоторые линии были проведены с такой силой, что карандаш почти продавливал бумагу, будто сама рука чертившего не могла скрыть напряжения и горечи.

Лицо адмирала оставалось неподвижным и сосредоточенным, почти суровым. Однако глубокие морщины на лбу и взгляд потемневших глаз выдавали долгие часы бессонных размышлений — тяжелый след недавнего поражения русского флота. Казалось, за последние месяцы Конецпольский постарел сразу на несколько лет.

Поодаль от него стоял капитан первого ранга Петр Петрович Реутов. С присущей штабному офицеру аккуратностью он раскладывал на длинном столе чертежи крейсеров и броненосцев, таблицы их технических характеристик и сравнительные ведомости. Толстые папки с докладами командиров кораблей лежали отдельными стопками. В одних подробно перечислялись недостатки конструкции: слабость бронирования и износ механизмов; в других, напротив, отмечались удачные инженерные решения: высокая выучка отдельных экипажей и примеры стойкости офицеров в бою.

Рядом находились аналитические записки судостроителей, инженеров и проектировщиков. Авторы этих документов пытались сопоставить опыт ведущих морских держав, сравнивали английские, германские, французские и японские корабельные программы, стараясь предугадать, в каком направлении в ближайшие годы продолжится развитие мирового военного судостроения. Все чаще в записях встречались слова «скорость», «дальнобойность», «единый крупный калибр» — новые понятия, начинавшие уже менять облик морской войны.

Комната была обставлена со вкусом и сдержанной строгостью, свойственной кабинетам высшего морского командования. На стенах висели полотна с морскими баталиями прошлых эпох и портреты адмиралов, чьи имена давно стали частью истории русского флота. С темных холстов на присутствующих сурово смотрели

Нахимов, Ушаков, Лазарев. На полках рядом с массивными глобусами стояли старинные морские приборы: секстанты, латунные компасы, подзорные трубы в кожаной оправе. Пол устлали ковры с геометрическим узором, мягко приглушавшие шаги и создававшие почти библиотечную тишину.

Николай II некоторое время молча рассматривал карты и пометки на них. Его взгляд задержался на узком проливе между Кореей и Японией, где красным карандашом были отмечены последние маневры русской эскадры. Затем император медленно поднял глаза на адмирала. В кабинете стояла гнетущая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шорохом переворачиваемых бумаг.

— Все наши недочеты, господа, я слышу уже не в первый раз, — произнес государь негромко, но в наступившей тишине его голос прозвучал особенно отчетливо. — И должен признать, картина выходит крайне безрадостная.

Адмирал Конецпольский медленно провел рукой по столу, слегка коснувшись одного из тяжелых томов, посвященных разбору Цусимского сражения. Пальцы задержались на темной обложке, словно сам вес этих документов давил на него сильнее любых слов.

— Тактические ошибки... слабая подготовка эскадры... отставание в артиллерии... — продолжил перечислять Николай II, и в голосе его все заметнее проступало раздражение. — Обо всем этом мне уже докладывали. Но скажите... — Император поднял взгляд. — Что предлагают наши судостроители? Какие выводы делает разведка? Что думает аналитический отдел флота? — Он сделал короткую паузу, переводя взгляд с адмирала на капитана первого ранга Реутова. — Разбирать поражение можно бесконечно, — добавил государь уже жестче. — Но что толку! Флоту нуж-

ны не только объяснения унижительного поражения, но и правильные решения. И я намерен их услышать.

В кабинете снова стало тихо. Даже шорох бумаг прекратился.

Капитан первого ранга Реутов слегка поклонился и осторожно подвинул к центру стола несколько крупных чертежей.

— Ваше императорское величество, — произнес он подчеркнуто спокойно, сохраняя выдержку штабного офицера, — судостроители действительно предлагают целый ряд изменений в конструкции будущих кораблей. Однако среди этих предложений существует один проект... который способен изменить само представление о крейсерах. — На мгновение его рука задержалась на толстой папке с чертежами. — Проект пока не получил широкой огласки, — продолжил Реутов уже тише. — Именно поэтому им начали интересоваться некоторые иностранные разведки.

Адмирал Конецпольский медленно поднял глаза от лежавшего перед ним тома о Цусиме. Взгляд Николая II стал внимательнее.

— Поясните, — коротко произнес государь.

Петр Реутов раскрыл папку и развернул на столе несколько листов плотной ватманской бумаги. Свет из окна брызнул на разложенные чертежи: аккуратные линии корпуса корабля, схемы башен главного калибра, разрезы машинных отделений и колонки расчетов, исписанные ровным почерком.

— Речь идет о корабле, который, если верить расчетам, сможет превзойти большинство существующих крейсеров по скорости, вооружению и живучести, — сказал капитан первого ранга. Он развернул один из листов. — Это проект сверхскоростного разведывательного крейсера. Корабль такого типа сможет не только догонять большинство крейсеров противника,

но и при необходимости уходить от его превосходящих сил. Предполагаемая скорость — около двадцати семи — двадцати восьми узлов.

При этих словах адмирал едва заметно нахмурился. Для новейших кораблей подобная скорость казалась почти невероятной. Реутов постучал пальцем по чертежу машинного отделения.

— И за счет чего может быть достигнута такая скорость? — спросил Николай Александрович.

— Достичь ее предполагается за счет применения паровых турбин вместо традиционных поршневых машин. Турбины дают значительно меньше вибрации, работают ровнее, требуют меньше обслуживающего персонала и позволяют увеличить дальность боевого похода. Кроме того, они обеспечивают более быстрый набор хода, что особенно важно для разведывательного корабля. — Капитан первого ранга перевернул лист. — Предварительное водоизмещение будет составлять около пятнадцати тысяч тонн. Что касается вооружения, проект предусматривает восемь орудий калибра двести три миллиметра и двенадцать орудий калибра сто двадцать миллиметров.

Государь поднял лист: на одном из чертежей четко выделялись силуэты башен.

— Артиллерийские установки предлагается разместить по диагональной схеме, что позволит существенно увеличить сектор обстрела и значительно усилить мощь бортового залпа. По сути, корабль сможет вести огонь почти всеми орудиями главного калибра одновременно, даже при сложных углах маневрирования. — Реутов провел рукой по последнему листу, где была изображена схема управления огнем. — Судостроители предлагают объединить дальномеры, посты наблюдения и артиллерийские расчеты в единую систему передачи данных. Если проект удастся реали-

зовать полностью, точность стрельбы на больших дистанциях возрастет в несколько раз.

Последние слова капитана первого ранга Реутова прозвучали спокойно, но даже в его сдержанном голосе ощущалось напряжение человека, понимающего, что перед ним лежит не просто очередной проект корабля, а возможное начало новой эпохи в судостроительном противостоянии. Выдержав значительную паузу, Петр Петрович продолжил, слегка подвигая чертежи ближе к государю.

— Кроме того, предлагается совершенно новая система управления артиллерией, — произнес Реутов, проводя пальцем вдоль схемы. — Вместо разрозненных постов наблюдения и независимого наведения отдельных башен предусматривается централизованный пункт управления огнем. Отсюда можно будет одновременно корректировать стрельбу всей батареи, рассчитывая дистанцию, поправки и упреждение для всех орудий сразу. Это значительно повысит точность залпов, особенно на больших дистанциях. — Он перевернул еще один лист, где были изображены дальномеры и линии передачи сигналов. — Также рассматривается идея единого калибра для тяжелых орудий. К сожалению, реализовать ее во время войны с японцами мы не успели. Тогда многие считали подобное решение чрезмерно смелым и даже опасным. — Реутов на мгновение замолчал, словно мысленно возвращаясь к событиям недавней кампании, затем тихо добавил: — Если расчеты верны, такой крейсер станет не просто разведчиком... он станет глазами и мечом всей эскадры.

Николай II слегка нахмурился, задумчиво коснувшись подбородка.

— А что делают англичане? — спросил он. — У них есть что-то подобное?

Петр Реутов обменялся коротким взглядом с адмиралом Конецпольским.

— По сведениям нашей морской разведки, англичане действительно строят новейший корабль и держат проект в строжайшей тайне. О его технических характеристиках известно настолько мало, что даже парламенту приходится довольствоваться краткими и весьма расплывчатыми отчетами. — Он сделал жест рукой в сторону разложенных карт и чертежей. — Немецкая разведка, судя по всему, пытается добыть чертежи через инженеров, подрядчиков и поставщиков оборудования. Информация собирается буквально по крупицам: через металлургические компании, рабочих верфей, технические журналы и частные судостроительные фирмы. Часть сведений немцам уже удалось получить. — Реутов чуть понизил голос. — По их оценкам, если британцам удастся воплотить задуманное полностью, все существующие линейные корабли, даже самые современные, устареют значительно быстрее, чем можно ожидать.

Император чуть наклонился вперед.

— И каким в таком случае будет этот тип корабля?

— Он будет ближе к линейным крейсерам, — ответил Реутов. — Скорость будет значительно выше, чем у обычных линейных кораблей, а вооружение останется сопоставимым с тяжелыми броненосцами. По сути, речь идет о соединении огневой мощи линейного корабля со скоростью крейсера.

На несколько секунд Николай II задумался. Его взгляд опустился на карты и схемы, испещренные пометками, словно он пытался увидеть в этих линиях очертания будущих войн.

— Если все это действительно так, как вы излагаете... — медленно произнес государь. Он сделал паузу и сжал кулаки на столе. — ...тогда мы найдем средства

на строительство этого линейного крейсера. И на перевооружение всего флота!

После этих слов в кабинете вновь установилась тишина. Слышался лишь легкий скрип перьев где-то в соседней комнате да едва различимый шелест бумаг. Казалось, само пространство замерло в ожидании дальнейших слов государя.

Однако выражение лица Реутова не изменилось. Напротив, в его взгляде появилась тень тревоги.

— К величайшему сожалению... это лишь часть чертежей, — произнес он наконец, слегка поникнув. — По ним построить корабль невозможно.

Император медленно поднял глаза.

— Вот как? Это отчего же?

— Остальная часть документов и основные расчеты находятся у корабельного инженера, капитана второго ранга Смолянинова. Три года назад, в сотрудничестве с итальянскими специалистами, он приступил к работе в Ливорно — крупном порту на западном побережье Тосканы, на берегу Лигурийского моря. Там располагается одна из крупнейших верфей Италии, где строят крейсера, миноносцы и торговые суда.

— Мне это известно, — сдержанно сообщил государь, не отрывая взгляда от разложенных карт.

Реутов едва заметно кивнул.

— Смолянинов спроектировал крейсер с использованием новейших технологических решений, — продолжил капитан первого ранга. — Получился корабль, которому на сегодняшний день, по мнению наших специалистов, нет равных. — Он осторожно коснулся лежавших на столе чертежей. — Ему удалось передать лишь часть документации — она сейчас перед вами. Однако значительная часть схем, расчетов по бронированию, устойчивости и плавучести боевого корабля,

энергетической установке и системе управления огнем осталась в Италии.

Реутов ненадолго замолчал, ожидая вопроса, а когда его не последовало, продолжил дальше:

— И есть серьезные основания полагать, что интерес к этим материалам проявляют не только англичане и немцы. Они интересны и американцам, и французам, а также итальянцам... Если документы попадут в чужие руки, Россия может потерять единственное преимущество, способное вернуть нашему флоту утраченное положение на море.

После этих слов в кабинете вновь возникла тяжелая тишина. Николай II медленно провел пальцами по краю стола.

— Так что стало с этим инженером? Надеюсь, с ним все в порядке? — в голосе государя впервые прозвучала плохо скрываемая тревога.

— Оставаться в Ливорно стало невозможно... и даже опасно, — ответил Реутов. — Поэтому было принято решение перевести его во Флоренцию, где передать документы значительно проще и безопаснее.

Император поднял глаза.

— Откуда такое суждение?

— Мы исходили из того, что во Флоренции сосредоточено множество иностранных инженеров, архитекторов, торговых представителей и частных подрядчиков, — пояснил капитан первого ранга. — На их фоне один русский специалист не вызывает особого внимания. Кроме того, местная контрразведка работает значительно слабее, чем в портовых городах. Администрация относится к иностранцам и туристам весьма лояльно, а поток приезжих настолько велик, что установить постоянное наблюдение за каждым из них практически невозможно. — Реутов ненадолго замолчал, после чего продолжил уже мрачнее: — Мы ре-